

МИЯ ГРЭИ

A romantic wedding scene featuring a bride and groom. The bride, in the foreground, is seen from the back, wearing a white lace wedding dress with a long veil and a floral headband. She is looking down. The groom stands behind her, looking off to the side. He is wearing a light-colored suit and a watch. They are in a room with large windows overlooking a city skyline. The room is decorated with white and pink flowers. A chandelier is visible in the upper right corner.

Жена
ПО ОШИБКЕ

Я ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА МУЖЧИНУ,
КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УНИЧТОЖИТЬ МЕНЯ

Мия Грэй

**Жена по ошибке. Я вышла
замуж за мужчину, который
хотел уничтожить меня**

«Автор»

2026

Грэй М.

Жена по ошибке. Я вышла замуж за мужчину, который хотел уничтожить меня / М. Грэй — «Автор», 2026

Она подписала брачный договор, думая, что соединяет свою жизнь с любимым. Но её жених предал её, а в женихи превратился мужчина, который поклялся уничтожить Алину Воронцову. Максим Орлов уверен: это она убила его мать много лет назад. И теперь он сделает её женой, чтобы медленно разрушить всё, что ей дорого. Но у Алины есть тайна. Тайна, которая перевернёт его мир и заставит усомниться в собственной ненависти.

© Грэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Белое платье и подписанная смерть	6
Глава 2. Чужой порог	9
Глава 3. Первое утро в аду	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мия Грэй
Жена по ошибке. Я вышла замуж за
мужчину, который хотел уничтожить меня

Глава

Глава 1. Белое платье и подписанная смерть

Утро двадцать третьего июня пахло ландышами и предательством.

Алина стояла перед высоким зеркалом в гостиничном номере, и её отражение казалось чужим — слишком бледным, слишком напряжённым, слишком похожим на ту девочку, которую она оставила в прошлом пять лет назад. Белое платье облегло фигуру с идеальной точностью, которую может обеспечить только команда стилистов, оплаченная чужими деньгами, но Алине казалось, что она задыхается в этом кружеве, будто её зашили в саван.

— Ты прекрасна, — сказала Оля, её единственная подруга, которая знала о прошлом ровно столько, сколько нужно, чтобы не задавать лишних вопросов. — Егор будет счастлив.

Алина криво усмехнулась, разглядывая тонкую сеть морщинок у своих глаз — следствие бессонных ночей и постоянного напряжения. Она научилась скрывать страх за улыбкой, но сегодня улыбка не слушалась, превращаясь в болезненную гримасу.

— Я не уверена, что он вообще хочет этого брака, — тихо сказала она, проводя пальцем по бриллиантовому колье, подаренному женихом. Камни были холодными, как и его поцелуи в последние месяцы. — Он стал таким... отстранённым. Будто женится не по любви, а по обязанности.

Оля фыркнула и поправила фату, которая норовила съехать набок.

— Дурочка. Все мужчины нервничают перед свадьбой. Егор — взрослый состоявшийся человек, у него бизнес, связи, репутация. Он просто переживает, что всё пройдет идеально.

— Идеально, — эхом повторила Алина, и это слово прозвучало как приговор.

Она знала, что такое идеально. Идеально — когда ты строишь новую жизнь из обломков старой, когда меняешь имя, город, профессию, привычки и даже любимый цвет волос, лишь бы забыть, кто ты была на самом деле. Идеально — когда ты врешь всем вокруг, включая человека, которого собираешься назвать мужем.

Егор не знал о её прошлом. Он знал только ту Алину, которую она создала — успешный архитектор из провинциального городка, переехавшая в Москву покорять столицу. Он не знал, что она бежала от тени, которая преследовала её по ночам, что каждое новое знакомство — это риск, что она научилась не привязываться к людям, потому что привязанность делает тебя уязвимой.

Но с Егором что-то пошло не так. Он оказался настойчивым, терпеливым, он ждал, когда она оттаит, и она оттаяла, позволила себе поверить, что прошлое осталось где-то далеко, похороненное под слоем новых воспоминаний.

Идиотка.

— Осталось два часа, — Оля взглянула на часы. — Тебе нужно позавтракать, а то упадёшь в обморок прямо у алтаря. Хотя, учитывая, сколько стоит твоё платье, это будет эффектное шоу.

Алина выдавила улыбку, но её мысли были далеко. Она смотрела в окно на серое московское небо, нависшее над городом тяжелым свинцовым покрывалом, и чувствовала, что сегодня что-то случится. Что-то, что перевернёт её жизнь.

Предчувствие не обмануло её.

В ЗАГСе было душно, несмотря на кондиционеры, работающие на полную мощность. Алина сидела в отдельной комнате, предназначенной для невест, и смотрела на стопку документов, которую ей принёс помощник Егора. Свадебный договор, какие-то бумаги на совместную собственность, стандартные формы.

Она не хотела читать их. Она доверяла Егору так, как не доверяла никому за последние пять лет, и это доверие казалось ей одновременно величайшим достижением и величайшей глупостью.

— Подпишите здесь и здесь, — сказал помощник, указывая на строчки, где уже стояла подпись Егора. — Остальное мы оформим после церемонии.

Алина взяла ручку. Кончик её пальцев дрожал, и она закусила губу, чтобы успокоиться. Белое платье казалось слишком тяжёлым, фата лезла в глаза, а сердце билось где-то в горле, мешая дышать.

Она не заметила, как дверь открылась, и в комнату вошёл он.

Высокий, темноволосый, с глазами цвета зимнего неба — холодными и пустыми. Он был одет в строгий чёрный костюм, но не тот, что носят женихи, а тот, что носят люди, привыкшие похороны посещать чаще свадеб. Максим Орлов выглядел так, будто пришёл на поминки, и, глядя на него, Алина поняла: так оно и есть. Он пришёл похоронить её. Или себя. Или их обоих.

— Алина Воронцова, — произнёс он, и его голос звучал как лёд, который вот-вот расколется от напряжения. — Какая неожиданная встреча.

Она вскочила, опрокинув стул, и бумаги разлетелись по столу, как белые голуби, выпущенные на свободу. Егор стоял позади Максима, бледный, как мел, но Алина не видела его. Она видела только того, кто должен был остаться в прошлом навсегда.

— Что ты здесь делаешь? — выдохнула она, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Тебя не должно быть здесь. Ты не имеешь права...

— Права? — Максим усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого крика. — Ты говоришь о правах, Алина? Ты, которая украла у меня всё?

Он шагнул ближе, и она отшатнулась, врезавшись спиной в стену. Воспоминания хлынули потоком — старый дом, пожар, крики, запах гари, и лицо Максима, искажённое ненавистью, когда он в последний раз видел её уходящей.

— Я не понимаю, о чём ты, — прошептала она, но голос предательски дрожал. — Это было давно. Это была случайность.

— Случайность? — Он рассмеялся, и смех прозвучал как стекло, разбивающееся об асфальт. — Ты подожгла дом. Ты убила мою мать. И теперь ты называешь это случайностью?

— Я никого не убивала! — Алина закричала, чувствуя, как слёзы обжигают глаза. — Ты не знаешь всей правды! Ты никогда не хотел слушать!

Егор, наконец, вышел вперёд, встав между ними. Его лицо было мокрым от пота, и он выглядел так, будто участвует в спектакле, который вышел из-под контроля.

— Алина, — сказал он, и голос его звучал виновато. — Я должен был сказать тебе. Максим мой старый друг, он попросил помочь устроить эту встречу. Он хочет поговорить с тобой.

— Он хочет меня уничтожить! — Алина выкрикнула эти слова и увидела, как глаза Максима сверкнули торжеством. — Ты предал меня, Егор. Ты привёл моего врага в день нашей свадьбы.

— Я хотел, чтобы вы разобрались, — пробормотал Егор, отводя взгляд. — Он сказал, что это вопрос жизни и смерти. Что если вы поговорите, он успокоится.

— Разобрались? — Алина горько рассмеялась, и платье вдруг показалось ей саваном, в который её зашили живьём. — Ты не знаешь, что он сделает. Он не даст мне жить. Он хочет лишить меня всего.

Максим шагнул к столу и пододвинул к ней лист бумаги. Это был не тот документ, который она должна была подписать. Это был другой, с печатью и какими-то пунктами, которые Алина даже не успела прочитать.

— Подпиши, — сказал он тихо, почти ласково. — И я подпишу тебе свободу. Сделаем это по-хорошему.

— Что это? — спросила она, чувствуя, как сердце сжимается в ледяной комок.

— Брачный договор, — ответил он, и в голосе его звучала смертельная ирония. — Ты выйдешь за меня замуж, Алина. И тогда ты узнаешь, что такое настоящая боль.

Она смотрела на бумагу, и мир вокруг неё рушился. Егор стоял в стороне, бледный, молчаливый, и в его глазах она читала страх — не за неё, за себя. Он боялся Максима. Он всегда боялся Максима. И теперь она поняла: всё это было подстроено. С самого начала.

— Я не подпишу, — сказала она, но слова вышли слабыми, как у ребёнка.

— Подпишешь, — Максим протянул руку и сжал её запястье, и его пальцы были холодными, как сталь. — Или я расскажу всем, кто ты на самом деле. Твои клиенты, твои друзья, твой драгоценный Егор узнают, что ты девушка с чужим именем, которая сбежала от правосудия. Ты будешь уничтожена, Алина. Но если ты подпишешь... я дам тебе шанс.

Она закрыла глаза, и слёзы покатились по её щекам, оставляя тёмные дорожки на идеальном макияже. Она думала, что пять лет изменили её, сделали сильнее. Но сейчас она чувствовала себя той же испуганной девочкой, которая стояла в ночи и смотрела на горящий дом, понимая, что её жизнь никогда не будет прежней.

Её рука дрожала, когда она взяла ручку. Егор отвернулся, и она поняла, что он не будет защищать её. Он предал её так же легко, как предавали все.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она, глядя в глаза Максиму.

— Это взаимно, — ответил он, и в его голосе не было ни капли сомнения.

Она подписала.

И в тот момент, когда чернила высохли на бумаге, Алина поняла: она только что вышла замуж за человека, который хотел уничтожить её.

И это было только начало.

Через час она сидела в машине Максима, и белое платье казалось насмешкой над всем происходящим. Фата лежала рядом на сиденье, смятая, как и её мечты о счастливой жизни.

— Куда мы едем? — спросила она, глядя на его профиль. Он не смотрел на неё, его взгляд был устремлён вперёд, на дорогу, и в нём не было ни капли человеческого.

— Домой, — ответил он холодно. — В наш дом.

— У меня нет дома, — сказала она, и в голосе её прозвучала такая горечь, что даже Максим на мгновение замер.

— Теперь есть, — ответил он, и в его голосе послышалось что-то похожее на удовлетворение. — Но тебе это не понравится, Алина. Клянусь тебе, тебе это не понравится.

Она отвернулась к окну и смотрела на проносящиеся мимо огни города. Москва была огромной, холодной, и она чувствовала себя такой же чужой здесь, как в первый день, когда приехала.

Её звонил телефон — Егор. Она сбросила вызов.

Всё, что у неё было, рухнуло в один день. И теперь она оказалась в руках мужчины, который поклялся уничтожить её.

Но у неё тоже была тайна. Тайна, которая могла перевернуть всё с ног на голову.

И она решила: если Максим хочет войны, он её получит.

Она сжала кулаки и посмотрела на него. Он был красив — слишком красив для такого жестокого человека. И в этом была её единственная слабость.

— Ты пожалеешь, что связался со мной, — сказала она тихо.

Максим усмехнулся.

— Я уже жалею, — ответил он. — Но это не остановит меня.

И они поехали в темноту, каждый со своей болью, и каждый был уверен, что правда на его стороне.

Но правда, как всегда, была где-то посередине.

И она ждала своего часа.

Глава 2. Чужой порог

Дом Максима Орлова стоял на Рублёвке и выглядел как крепость, которую строили для войны, а не для жизни. Высокие каменные стены, кованые ворота с шипами, десятки камер видеонаблюдения, которые проводжали каждое движение автомобиля, точно хищные глаза, не моргающие ни на секунду. Алина смотрела на эти стены, и её сердце сжималось от осознания, что она только что добровольно вошла в клетку. Правда, добровольно — громко сказано, скорее, её загнали сюда, как дикое животное, которое слишком долго сопротивлялось, а теперь смирилось, понимая, что выбора нет.

Машина остановилась у главного входа, и шофер в чёрной униформе открыл дверь, даже не взглянув на Алину. Он смотрел только на Максима, ожидая его приказов, и это было символично: здесь все смотрели только на него, и Алина была никем, пустым местом, которое обязано подчиняться.

— Выходи, — сказал Максим, и его голос прозвучал как приказ, не терпящий возражений.

Алина выбралась из машины, и её свадебное платье, ещё недавно такое прекрасное, теперь казалось нелепым и чужим на фоне этого холодного, серого особняка. Каблуки утопали в гравии, и она покачнулась, но Максим даже не подумал её поддержать. Он уже шёл вперёд, не оглядываясь, и она поняла: он не будет с ней церемониться. Он будет ломать её постепенно, каждым взглядом, каждой короткой фразой, каждым моментом молчания.

Внутри дом был ещё более холодным, чем снаружи. Мраморный пол, высокие потолки, огромные окна, закрытые тяжёлыми шторами, которые почти не пропускали свет. В воздухе пахло деревом и пылью, как в старых дворянских усадьбах, которые давно превратились в музеи. Картины на стенах, антикварная мебель, дорогие статуи — всё это было красивым, но мёртвым. Алине казалось, что она попала в склеп, где единственным живым существом был её мучитель.

— Иди за мной, — бросил Максим через плечо, и она покорно пошла, чувствуя себя марионеткой, которую дёргают за нитки.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, и он открыл дверь в комнату, которая, судя по всему, должна была стать её спальней. Это была не маленькая гостевая, а огромная комната с кроватью под балдахином, антикварным комодом и камином, в котором уже потрескивали дрова, хотя на дворе стоял июнь. Здесь было тепло, почти уютно, но этот уют казался издевательством, потому что Алина знала: уют — это иллюзия, как и её брак.

— Ты будешь жить здесь, — сказал Максим, останавливаясь в дверях и скрещивая руки на груди. — Твоя комната. Твои вещи уже привезли, я распорядился, чтобы их собрали из твоей квартиры.

Алина вздрогнула. Её вещи. Её квартира. Всё, что было её, теперь принадлежало ему. Он имел право врываться в её жизнь, забирать её имущество, решать за неё, и она ничего не могла с этим поделать.

— Ты не имел права, — выдавила она, но голос её звучал слабо, почти жалобно.

— Имею, — ответил он, и его губы растянулись в той самой ледяной усмешке. — Я твой муж. По документам. По закону. Ты моя собственность теперь, Алина. И ты будешь делать то, что я скажу.

Она сделала шаг к нему, и в её глазах вспыхнула ярость, которую она сдерживала слишком долго. Пять лет она пряталась, пять лет она боялась, что кто-то найдёт её и заставит платить за чужие грехи. Но сейчас, стоя перед этим человеком, она поняла, что страх иссяк. Он превратился в злость, в желание бить, кусаться, царапаться, лишь бы доказать, что она не сломается.

— Я не твоя собственность, — сказала она, и в голосе её звенел металл. — Я человек. И ты не можешь просто запереть меня здесь, как зверя в клетке.

— Могу, — Максим шагнул к ней, сокращая расстояние до опасного, почти интимного. — И я это сделаю. Ты не выйдешь из этого дома без моего разрешения. Ты не будешь разговаривать с кем-либо без моего ведома. Ты не будешь работать, не будешь звонить, не будешь жить той жизнью, которую строила. Всё, что у тебя было, сгорело, Алина. Как и мой дом. Как и моя мать.

Она замерла, услышав последние слова. Боль в его голосе была настоящей, и она поняла: он не просто мстит. Он страдает. Он носит эту боль в себе уже много лет, и она разъедает его изнутри, делая его таким жестоким.

— Твоя мать, — прошептала Алина, и её глаза наполнились слезами, но не от жалости к себе. Она вспомнила ту женщину — добрую, улыбчивую, с тёплыми руками, которые гладили её по голове, когда она была маленькой. Она не была чужой для Алины. Она была второй матерью. И Алина любила её.

— Не смей произносить её имя, — прорычал Максим, и его рука сжала её плечо с такой силой, что она вскрикнула. — Ты не имеешь права говорить о ней. Ты убила её!

— Я не убивала! — закричала она в ответ, вырываясь из его хватки. — Это был несчастный случай! Я не виновата в том, что случилось! Если бы ты только выслушал меня, если бы ты дал мне шанс объяснить...

— Объяснить? — Максим горько рассмеялся, отворачиваясь к окну. — Ты сбежала, Алина. Ты исчезла в ту же ночь, не сказав ни слова. Ты бросила моего отца умирать в больнице, ты не пришла на похороны матери. Какие объяснения могут быть у человека, который так поступает?

Алина прикусила губу, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Она хотела рассказать ему правду, но правда была страшнее лжи. Она не могла сказать ему, почему сбежала. Она не могла сказать ему, что в ту ночь, когда случился пожар, она была не одна. Что за ней охотились. Что её жизнь была в опасности, и единственным способом спастись было бегство.

Но она знала: если она скажет это, он не поверит. Он уже настроен против неё, и любой её рассказ покажется ему оправданием, ложью, попыткой избежать наказания.

— Ты ничего не знаешь, — тихо сказала она, опуская глаза. — Ты не знаешь всей правды.

— Тогда скажи мне её, — Максим обернулся, и в его глазах горело холодное любопытство. — Я слушаю. Расскажи мне, почему ты сбежала, почему ты сменила имя, почему ты пряталась все эти годы, как вор, который боится расплаты.

Она молчала. Слова застревали в горле, потому что она знала: правда может разрушить всё. Она разрушит его представление о прошлом, но она также может уничтожить его окончательно, ведь если он узнает, кто был настоящим виновником, его месть обрушится на другого человека. И этот человек... этот человек был опаснее Максима в сотню раз.

— Я не могу, — прошептала она. — Не сейчас.

Максим усмехнулся, и в этой усмешке было торжество человека, который считает, что победил.

— Значит, ты признаёшь свою вину, — сказал он. — Это всё, что мне нужно. Ты будешь здесь, пока я не решу, что ты заплатила сполна. А теперь оставь меня. Мне нужно работать.

Он развернулся и вышел, оставив Алину одну в этой огромной, чужой комнате. Она слышала его удаляющиеся шаги по коридору, хлопок двери, а затем тишину. Такую глубокую, что казалось, будто она оглохла.

Она опустила на кровать, и платье смялось под ней, как бумага, которую скомкали и выбросили. Слёзы текли по её щекам, но она не плакала — она просто давала им волю, понимая, что это единственное, что она может себе позволить в этом доме, где каждое её движение контролируется.

Взгляд упал на прикроватную тумбочку, и она увидела телефон. Старый, проводной, как в прошлом веке. Он стоял там, будто специально оставленный для неё, и Алина на мгновение задумалась, не позвонить ли кому-то. Но кому? Оля, её единственная подруга, не знала всей правды, и если Алина позвонит ей сейчас, она испугается и, возможно, что-то предпримет, что навредит им обеим. Егор предал её, и звонить ему было бессмысленно. Полиция? Она была подписавшимся договором женой, и никто бы не стал вмешиваться в семейные дела богатого человека.

Она была одна. Совершенно одна.

Алина закрыла глаза, и перед её внутренним взором возникла та самая ночь. Пять лет назад. Она стояла на опушке леса, глядя на горящий дом, и слышала крики. Но это были не крики матери Максима — она уже была мертва к тому моменту. Это были крики другого человека, того, кто поджёг дом, того, кто хотел уничтожить всех.

Она вспомнила его лицо, искажённое ненавистью, и поняла, что Максим не знает о нём. Максим думает, что она была одна, что она сделала это по злему умыслу. Но на самом деле она пыталась спасти тех, кого любила.

Она открыла глаза и посмотрела в потолок, где играли отблески камина.

— Я не могу сказать тебе правду, — прошептала она в пустоту. — Не сейчас. Но когда-нибудь ты узнаешь, и ты поймёшь, что я не враг тебе.

Она встала, сняла с себя свадебное платье и повесила его в шкаф, где уже лежали её вещи, аккуратно разложенные чьей-то заботливой рукой. Она не знала, как Максим мог приказывать собрать их, но это было неважно. Важно было то, что она оказалась в ловушке, и единственным способом выбраться было либо подчиниться, либо найти способ переубедить его.

Алина надела домашний халат и подошла к окну. За стеклом был сад — такой же холодный и ухоженный, как и сам дом. Дорожки выложены камнем, кусты подстрижены в виде геометрических фигур, и ни одного живого цветка. Всё подчинено контролю, как и её жизнь теперь.

Она вдруг вспомнила мать Максима — женщину, которая учила её печь пироги, которая называла её дочкой, которая плакала, когда Алина уезжала из их маленького городка в Москву. Та женщина любила её, и Алина плакала на её похоронах, но из-за угла, не смея показаться.

— Прости меня, — прошептала она, обращаясь к тени той, кого уже нет. — Я не смогла защитить тебя. Я не смогла защитить никого. Но я обещаю: я найду способ остановить его.

В этот момент дверь отворилась, и на пороге появилась пожилая женщина с подносом. Она была одета в строгое платье, волосы убраны в узел, и на лице застыло выражение почтительной отстранённости.

— Ужин, — сказала она, ставя поднос на стол. — Господин Орлов велел накормить вас.

— Спасибо, — ответила Алина, но голос её звучал безжизненно. Она смотрела на женщину, и в ней мелькнула искорка надежды. — Как вас зовут?

Женщина помедлила, будто решая, стоит ли отвечать.

— Елена Ивановна, — сказала она наконец. — Я домоправительница. Если вам что-то понадобится, вы можете нажать кнопку у кровати.

— Елена Ивановна... — Алина сделала шаг к ней, стараясь говорить тихо, чтобы никто не услышал. — Скажите, Максим... он всегда такой? Он всегда такой холодный?

Женщина на мгновение задержала взгляд на Алине, и в этом взгляде мелькнула тень человечности.

— Он был другим, — тихо сказала она. — До того, как случилась трагедия. Но я не могу говорить об этом. Это не моё дело. Прошу прощения.

Она развернулась и вышла, а Алина осталась стоять у стола, глядя на остывающий суп и хлеб, который никто не ел.

Она поняла, что у неё есть союзники. Пусть даже такие молчаливые.

Она не была полностью одинока.

И это дало ей силы.

Она подошла к кровати, легла и уставилась в потолок, размышляя о том, как выбраться из этой ситуации. Ей нужно было узнать, что Максим планирует делать с ней дальше, и ей нужно было найти способ переубедить его, чтобы он выслушал её правду.

Но для этого она должна была выиграть время.

И она должна была быть умнее него.

Она закрыла глаза, и впервые за эту долгую ночь она позволила себе надежду.

Потому что даже в самой тёмной клетке есть шанс на побег. Ей просто нужно дождаться правильного момента.

И этот момент наступит.

Она в этом не сомневалась.

Глава 3. Первое утро в аду

Алина не сомкнула глаз до самого рассвета. Она лежала на незнакомой кровати, пахнущей лавандой и дорогим кондиционером для белья, и считала удары собственного сердца, которое никак не хотело успокаиваться. Каждый скрип половицы за дверью заставлял её вздрагивать, каждое дуновение ветра за окном казалось шагами Максима, который вот-вот войдёт, чтобы продолжить свою игру. Но ночь прошла в мучительной тишине, и когда первые лучи солнца пробились сквозь щель между шторами, Алина поняла: она пережила этот день. Пережила, но не победила. Она встала, чувствуя, как тело ломит от напряжения, и подошла к гардеробу. Её вещи лежали там, аккуратно разложенные по плечикам, и это было почти оскорбительно: чужие руки касались её белья, её платьев, её прошлого. Она выбрала простую блузку и джинсы, отказываясь от любых украшений — они казались ей фальшивыми, как и вся эта жизнь. Спустившись вниз, она ожидала увидеть пустую столовую, но Максим уже сидел за длинным дубовым столом, читая газету и потягивая кофе из крошечной чашки, которая в его пальцах выглядела почти игрушечной. Он не поднял на неё глаз, когда она вошла, и Алина замешкалась у дверей, не зная, что делать. Присесть? Попросить разрешения? Бежать обратно в свою комнату и запереться там, пока он не уйдёт? — Садись, — сказал он, даже не глядя в её сторону, и голос его был ровным, лишённым всякой интонации. — Ешь. Я не хочу, чтобы ты упала в обморок на моём паркете, это создаёт лишние проблемы. Алина подошла к столу и села напротив него. Елена Ивановна бесшумно поставила перед ней тарелку с омлетом и чашку чая, но она не могла заставить себя взять вилку. Ей казалось, что еда здесь отравлена, хотя разум подсказывал, что Максим вряд ли станет убивать её так примитивно. Он хотел мучить её долго и изощрённо, как кошка мучит мышь, прежде чем переломать ей все кости. — У тебя сегодня встреча с моим адвокатом, — сказал Максим, переворачивая страницу газеты. — Он объяснит тебе условия брачного договора, которые ты подписала не глядя. Я хочу, чтобы ты понимала, на что согласилась. — Я и так понимаю, — тихо ответила Алина, и её голос дрогнул, но она взяла себя в руки. — Ты хочешь, чтобы я сидела здесь и ждала, когда ты решишь, что я достаточно пострадала. Но ты ошибаешься, если думаешь, что я сдамся. Максим наконец поднял на неё взгляд, и в его глазах мелькнула искра удивления. Он привык, что люди боятся его, что они опускают глаза и молчат, когда он говорит. Но Алина смотрела на него в упор, и в её взгляде не было страха — была злость, перемешанная с чем-то ещё, что он не мог распознать. — Ты смелая, — сказал он, и в голосе его послышалась насмешка. — Это хорошо. Слабаки мне неинтересны. Но смелость не спасёт тебя от правды, Алина. Рано или поздно ты расскажешь мне всё. И тогда я решу, что с тобой делать. — А если я не расскажу? — она взяла вилку и начала ковырять омлет, делая вид, что спокойна. — Ты будешь держать меня здесь вечно? — Вечность — слишком долгий срок, — усмехнулся Максим. — Но достаточно долгий, чтобы ты поняла: у тебя нет выбора. Ты моя жена. И ты останешься ею, пока я не скажу иначе. Он встал из-за стола и положил газету на место. Его движения были отточенными, как у хищника, готового к атаке. Он обошёл стол и остановился за спиной Алины, и она почувствовала его дыхание на своей шее, теплое и опасное. — Я уезжаю по делам, — сказал он тихо. — Вернусь к вечеру. Не пытайся сбежать — у дома охрана, и они имеют право стрелять. Не пытайся позвонить кому-то — все звонки записываются. И не пытайся найти себе союзников среди прислуги — я плачу им слишком хорошо, чтобы они предавали меня. Алина сжала вилку так сильно, что побелели костяшки пальцев. — Ты просто монстр, — выдохнула она, и слёзы подступили к глазам, но она заставила их отступить. — Как ты вообще можешь жить с такой ненавистью внутри себя? — Я живу, — ответил он, и в его голосе послышалась такая глубокая боль, что Алина невольно обернулась. — Я живу ради мести. Это единственное, что у меня осталось. Он вышел из столовой, и через минуту она услышала звук отъезжающей машины. Алина осталась одна в огром-

ном пустом доме, и тишина давила на неё, как гранитная плита. Она отодвинула тарелку, не сделав ни глотка, и подошла к окну, глядя, как чёрный автомобиль исчезает за воротами. Елена Ивановна вошла, чтобы убрать посуду, и на её лице застыло привычное выражение бесстрастной почтительности. Но Алина заметила, как женщина на мгновение задержала взгляд на её лице, и в этом взгляде читалось что-то похожее на сочувствие. — Елена Ивановна, — позвала Алина, и домоправительница замерла, не оборачиваясь. — Я знаю, что вы не можете говорить со мной. Но скажите хотя бы одну вещь. Максим... он всегда был таким? Женщина молчала долгую минуту, и Алина уже думала, что она не ответит, но та наконец заговорила, едва слышно, словно боялась, что стены передадут её слова хозяину. — Он был добрым мальчиком, — сказала она. — Пока его мать была жива. Он любил её больше всего на свете. И когда она погибла... он словно умер вместе с ней. Осталась только оболочка. — Но он думает, что я убила её, — прошептала Алина. — Он не знает правды. Елена Ивановна обернулась, и в её глазах мелькнула тревога. — А какая правда, барышня? — спросила она, и её голос дрогнул. — Я была там в ту ночь. Я видела, как вы бежали из дома, когда всё уже горело. Видела, как вы кричали, что это не вы. — Я не поджигала дом! — вырвалось у Алины. — Я пыталась вытащить её из огня, но было слишком поздно. Кто-то другой сделал это. Кто-то, кто хотел, чтобы она погибла. Елена Ивановна побледнела, и её руки задрожали, так что поднос чуть не упал на пол. Она поставила его на стол и прижала ладони к груди, будто пытаясь успокоить сердце. — Вы знаете кто? — спросила она шёпотом. Алина замаялась. Она знала, но сказать это было бы смертельно опасно. Тот человек всё ещё был на свободе, он имел связи, власть, влияние. Он уничтожил бы её, если бы узнал, что она говорит правду. Но здесь, в этом доме, она чувствовала себя в ловушке, и единственным способом выбраться было довериться кому-то. — Я не могу сказать, — ответила она после долгой паузы. — Это слишком опасно. Но я обещаю вам: я не убивала Анну Павловну. Я любила её, как родную мать. Елена Ивановна смотрела на неё с минуту, а затем медленно кивнула. — Я верю вам, — сказала она. — Я всегда знала, что что-то не так. Максим слишком быстро решил, что вы виноваты. Он не искал других версий. Он хотел ненавидеть кого-то, потому что горе было невыносимым. Алина почувствовала, как слёзы наконец прорвались сквозь плотину, которую она возводила всю ночь. Она плакала, и Елена Ивановна, забыв о субординации, подошла к ней и обняла её, прижимая к себе, как ребёнка. — Всё будет хорошо, — прошептала она. — Я помогу вам. Я не знаю как, но я помогу. Алина кивнула сквозь слёзы, и в её сердце затеплилась слабая, почти невесомая надежда. Она не была одна. У неё был союзник в этом враждебном доме. И пусть это была всего лишь пожилая домоправительница, её поддержка значила больше, чем все богатства мира. Она вытерла глаза и посмотрела на Елену Ивановну: — Скажите, что случилось с отцом Максима? Он говорил, что я бросила его умирать в больнице. Женщина покачала головой и перекрестилась. — Он умер через год после той трагедии. Сердце не выдержало. Он так и не пришёл в себя после смерти жены. И он винил вас, как и Максим. Но перед смертью он сказал мне странную вещь... — Какую? — Алина затаила дыхание. — Он сказал: «Передай Максиму, что он ошибается. Но я не могу сказать ему правду, потому что она убьёт нас всех». А потом он умер, и больше никто не узнал, что он имел в виду. Алина закрыла глаза, и её мозг лихорадочно работал. Отец Максима знал что-то. Возможно, он знал, кто был настоящим убийцей. Но он унёс эту тайну в могилу, оставив Максима верить в ложь. — Он боялся, — прошептала Алина. — Он боялся того человека. Так же, как и я. — Кто это? — снова спросила Елена Ивановна, но Алина только покачала головой. — Если я скажу вам, это может стоить вам жизни. Мне нужно найти способ рассказать Максиму, но он не слушает меня. Он видит во мне только убийцу. Она подошла к окну и посмотрела на ухоженный сад, такой идеальный и безжизненный. Ей нужно было что-то придумать. Что-то, что заставит Максима остановиться и выслушать её. И вдруг её осенило. Ей нужно было перестать бояться его. Нужно было вступить с ним в игру, показать ему, что она не жертва, а противник, достойный его уважения. Только тогда он сможет услышать её. — Елена Ивановна, —

сказала она, обернувшись. — У вас есть компьютер? Мне нужно поработать. Максим сказал, что я не могу заниматься архитектурой, но если я сойду с ума от безделья, ему будет неинтересно мучить меня. Я хочу показать ему, что я не сломаюсь. Домоправительница задумалась, а затем кивнула. — В библиотеке есть старый ноутбук. Хозяин не пользуется им. Я принесу вам. — Спасибо, — Алина улыбнулась, и это была первая искренняя улыбка за последние сутки. — Вы не представляете, как много это для меня значит. Она провела остаток дня за работой, сидя в библиотеке, окружённая тысячами книг, которые никто никогда не читал. Наброски, чертежи, проекты — её работа всегда была для неё убежищем. Она погрузилась в линии и формы, забывая о том, где находится. Но в глубине души она ждала возвращения Максима. Ей нужно было поговорить с ним. По-другому. Не как жертва, а как равный. Когда наступил вечер, и часы пробили семь, она услышала звук въезжающей машины. Её сердце забилось быстрее, но она заставила себя не показывать страха. Она вышла в холл, когда Максим вошёл, и встретила его взгляд, не опуская глаз. — Я хочу поговорить с тобой, — сказала она ровным голосом. — Не как враг, а как человек, который хочет, чтобы ты выслушал правду. Максим удивлённо приподнял бровь, и в его глазах мелькнуло любопытство. — Ты решила сдаться? — спросил он с издёвкой. — Нет, — ответила она, вставая прямо и расправляя плечи. — Я решила бороться. Но по-другому. Дай мне один вечер. Выслушай меня, не перебивая. И если после этого ты всё ещё будешь думать, что я виновата, я уйду. Но ты обещаешь, что дашь мне шанс. Максим смотрел на неё долго, изучая её лицо, её позу, её глаза. Алина чувствовала на себе его тяжёлый взгляд, но не отступала. — Хорошо, — сказал он наконец. — Один вечер. Но если ты соврёшь, я сделаю твою жизнь ещё более невыносимой. Договорились? Она кивнула, и в её душе затеплилась искорка надежды. Она сделала первый шаг к тому, чтобы изменить его мнение. И она не собиралась упускать этот шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.